

Статья Б. М. Ляпунова въ I вып. „Живой Старины“ 1892 г.

29-го ноября скончался профессоръ Харьковскаго университета Александръ Аѳанасьевичъ Потебня. Смѣло можно сказать, что въ немъ мы потеряли ученаго, которымъ должна гордиться не только русская и славянская, но и обще-европейская наука. Въ виду выдающагося положенія, какое покойный занималъ въ ряду современныхъ славистовъ и вообще филологовъ, а также въ виду неоцѣнимыхъ качествъ его души, съ другой стороны въ виду страннаго незнанія о его заслугахъ не только среди нашего образованнаго общества, но даже среди персонала учителей русскаго яз. и словесности, я рѣшаюсь представить краткія біографическія свѣдѣнія, какія мнѣ удалось собрать, и познакомить немного съ содержаніемъ главнѣйшихъ трудовъ покойнаго, прибавивъ и свои личныя воспоминанія.

Александръ Аѳанасьевичъ Потебня ¹⁾ происходилъ изъ небогатой дворянской семьи Полтавской губерніи Роменскаго уѣзда, гдѣ и родился. Родовое имѣнне его въ формулярномъ спискѣ значится въ селѣ Перекоповкѣ, Ромен. у., но не знаю, осталось ли тамъ что нибудь теперь. Родители Александра Аѳанасьевича—Аѳанасій Еѳимовичъ и Марья Ивановна (урожденная Маркова)—природные малоруссы. Отецъ въ молодости былъ въ военной службѣ, а потомъ одно время по частнымъ дѣламъ жилъ во Владимірской губерніи.

Родился А. А. 10 сентября 1835 г. и былъ старшимъ изъ всѣхъ братьевъ (10 сент. 1891 г., по словамъ жены, ему исполнилось 56 лѣтъ, а въ формулярномъ спискѣ, составленномъ 1887 г., но, можетъ быть, раньше 10 сент., сказано, что ему 51 годъ). Семи лѣтъ онъ былъ отданъ въ Радомскую гимназію, гдѣ его дядя по матери былъ учителемъ. Благодаря этому обстоятельству, А. А. хорошо изучилъ польскій яз., такъ какъ въ этой гимназіи преподаваніе было на польскомъ яз.

¹⁾ Для біографическихъ свѣдѣній я пользуюсь во первыхъ автобіографіей покойнаго, напечатанной въ прилож. къ III т. „Исторіи русской этнографіи“ А. Н. Пыпина, во 2-хъ тѣмъ, что мнѣ удалось слышать отъ него самаго и близко его знавшихъ, въ 3-хъ—формулярнымъ спискомъ, хранящимся въ архивѣ Харьковскаго университета.

Несполна 16-ти лѣтъ въ 1851 г. онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ. Вслѣдствіе того, что большую часть дѣтства А. А. провелъ не дома, онъ почти не зналъ своихъ младшихъ братьевъ, а съ сестрой, которая родилась уже безъ него, познакомился только 16-ти лѣтъ. А. А. поступилъ сначала на юридическій факультетъ, но въ слѣдующемъ году перешелъ на историко-филологическій. Въ университетѣ онъ сблизился съ М. В. Нѣговскимъ, „любителемъ и умѣлымъ собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсень“, библіотекой котораго и пользовался. Преподавательскій персоналъ въ то время въ Харьковскомъ университетѣ былъ далеко не блестящій. Русскій яз. читалъ А. Л. Метлинскій, добрый и симпатичный человѣкъ, но по словамъ А. А., слабый профессоръ. Его сборникъ „южно-русскихъ народныхъ пѣсень“, по признанію Ал. Аѳ., былъ первой книгой, научившей А. А. присматриваться къ явленіямъ языка. Судя по описанію личности А. Л. Метлинскаго и его симпатичныхъ взглядовъ на отношеніе нарѣчій и говоривъ къ литературному языку („Истор. рус. этногр.“ Пыпина, т. III, ст. 146—148), можно думать, что этотъ человѣкъ оказалъ во всякомъ случаѣ нѣкоторое вліяніе на Ал. Аѳ.—ча. Черезъ Н. А. Лавровскаго, перешедшаго съ кафедры педагогики на кафедру русской словесности, А. А. познакомился съ сочин. И. И. Срезневскаго „Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій“. Это сочиненіе, гдѣ впервые такъ живописно представлена картина постепеннаго развитія русскаго яз., произвело на А. А. сильное впечатлѣніе. Онъ рассказывалъ мнѣ, что онъ невольно запомнилъ наизусть цѣлыя страницы этого сочиненія и такъ отвѣчалъ на экзаменѣ. Этотъ фактъ, кажется, былъ переданъ Срезневскому, который и пожелалъ познакомиться съ Потебней, когда А. А. былъ потомъ въ Петербургѣ. Въ своей автобіографіи А. А. указываетъ еще, что на него оказало вліяніе сочин. Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, которое однако не совѣмъ ему нравилось, и статья Буслаева „Объ эпической поэзіи“, а затѣмъ, какъ говорилъ мнѣ самъ Ал. Аѳ., только иностранные ученые. Въ 1856 г. А. А. окончилъ курсъ кандидатомъ по представленіи диссертациі: „Первые годы войны Хмельницкаго“, которая не напечатана. По предложенію Н. А. Лавровскаго, онъ былъ оставленъ при университетѣ и сталъ готовиться къ магистерскому экзамену. Какъ казенно-коштный, онъ долженъ былъ однако взять мѣсто комнатнаго надзирателя 1-ой Харьковской гимназіи, но скоро былъ опредѣленъ сверхштатнымъ старшимъ учителемъ русской словесности съ увольненіемъ

отъ должности комнатнаго надзирателя, а 18 декабря 1857 г. былъ прикомандированъ къ университету для преподаванія русской словесности. Черезъ Н. А. Лавровскаго А. А. познакомился съ грамматикой Миклошича и трудами Караджича. Въ 1860 г. 15 Апрѣля А. А. былъ утвержденъ въ степени магистра славянской словесности и по защитѣ диссертациі „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“ (Харьковъ, 1860). 22 Іюня 1860 г. А. А. назначенъ адъюнктомъ Харьковскаго университета съ увольненіемъ отъ должности учителя гимназіи, при чемъ въ 1861 г. на него возложены теоретическія занятія по педагогикѣ съ кандидатами педагогами. Въ то же время онъ былъ секретаремъ историко-филологическаго факультета. Въ 1862 г. онъ былъ командированъ за границу на два года, но черезъ годъ вернулся и съ 28-го сентября 1863 г. былъ доцентомъ Харьковскаго университета до 1875 г., когда утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, получивъ 28 ноября 1874 г. степень доктора славянской словесности послѣ защиты диссертациі: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ I—II; оппонентами были профессора М. С. Дриновъ и Н. А. Лавровскій ¹⁾. Заграницей А. А. учился санскриту у Вебера. За это время въ печати появились слѣдующіе труды А. А. Потебни: „Мысль и языкъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1862), „О связи нѣкоторыхъ представленій“ (Филол. Зап. 1864), „О Долѣ и сродныхъ съ ней существахъ“ (Древности Труды Москов. Археологич. Общ., т. I), „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго яз.: I. О полногласіи. II. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (Воронж. Филолог. Зап. 1866 г.) „О кувальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ“ (Москва, 1867, въ 3-мъ вып. Археол. Вѣстн.), „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій“ (Филол. Зап. 1870 и отдѣльно—Воронеж, 1871), наконецъ упомянутое выше сочиненіе „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (1-я часть „Введеніе“, напечат. въ Воронежѣ, а 2-я часть „О составныхъ членахъ предложенія и ихъ замѣнахъ въ русскомъ яз.“ въ Запискахъ Харьковскаго университета 1874 г.). Съ осени 1875 г. А. А. былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ исторіи русскаго яз. и литературы. Еще въ 1865 г. А. А. былъ избранъ въ дѣйствительные члены Москов. Археологическаго Общества. Въ 1877 г. онъ избранъ въ дѣйствительные члены Общ. Любителей Россійской Словесности при Имп. Московскомъ университетѣ. Въ томъ же году

¹⁾ М. С. Дриновъ рассказывалъ мнѣ, что онъ, Н. А. Лавровскій и Кирипичниковъ предлагали Ал. Ае—чу степень доктора до защиты за его прежнія работы, но по своей скромности и строгости къ себѣ, А. А. отказался и предпочелъ достигнуть этого обычнымъ путемъ.

ему присуждена Имп. Академіей Наукъ Ломоносовская премія въ 1,000 руб. за сочин. „Изъ записокъ по рус. гр.“, и онъ избранъ въ члены-корреспонденты Академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности. Въ 1876 г. вышли въ Воронежѣ и Варшавѣ 1-й и 2-й выпуски. „Къ исторіи звуковъ русскаго яз.“; нѣкоторыя главы этого сочиненія были напечатаны также въ изданіи проф. И. В. Ягича „Archiv für slavische Philologie“ III, s. 358—381 („Ueber einige Erscheinungen des slavischen Palatalismus“) и s. 614—620 („Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nasalvocale“). Въ 1877 г. Александру Аванасьевичу присуждена Академіей наукъ золотая Уваровская медаль за разборъ сочин. Житецкаго: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“. Въ томъ же году въ „Воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ“ напечатана статья А. А—ча „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.“, а въ слѣдующемъ году „Слово о полку Игоревѣ“ (Воронежъ, 1878 г.). Въ 1879 г. Академіей наукъ присуждена А. А—чу золотая медаль за разборъ труда Я. О. Головацкаго: „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“, издан. въ 4 т. Моск. Общ. Истор. и древностей (разборъ напечатанъ въ С.-Петербур., 1880). Въ 1881—1883 г. Варшавскимъ „Филологическимъ Вѣстникомъ“ напечатаны III-й и IV-й выпуски „Къ исторіи звуковъ русскаго яз. Этимологическія и другія замѣтки“. Тѣмъ же „Филолог. Вѣстникомъ“ издано въ 1883—1887 г. большое сочиненіе А. А. въ двухъ выпускахъ: „Объясненія молорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень“. Въ началѣ 1887 г. его избрало въ свои члены королевское чешское общество наукъ *králevská Česká společnost Nauk*). Въ „Филологическихъ Запискахъ“ 1887 г. напечатана статья А. А. „Значенія множественнаго числа въ русскомъ яз.“. Въ 1888 г. въ Харьковѣ вышло второе исправленное изданіе сочин. „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ I—II. Послѣднее напечатанное сочиненіе А. А—ча было помѣщено въ выходящемъ съ 1891 г. изданіи Этнографическаго Отдѣленія И. Р. Г. О. „Живая Старина“ („Этимологическія замѣтки“).

Въ началѣ 1891 г. ему присуждена была медаль Географическимъ Обществомъ. Кромѣ чисто научныхъ трудовъ и изслѣдованій, подъ редакціей А. А. Потебни вышло прекрасное изданіе сочиненій малорусскаго писателя Г. О. Квитки (Харьковъ 1887 и 1889 г.) съ соблюденіемъ удареній и тѣхъ мѣстныхъ особенностей Харьковскаго говора, которыя были совершенно стерты въ Петерб. издан. Кулиша 1858 г.; въ „Кіевской Старинѣ“ 1888 г. изданы имъ нѣкоторыя сочиненія Артемовскаго-Гу-

лака, по подлинной рукописи автора съ соблюденіемъ его правописанія, а въ „Кіевской Старинѣ“ 1890 г. изданы малорусскіе лѣчебники XVIII вѣка.

✓ Какъ мнѣ приходилось слышать, во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ за границу Ал. Аѳ. познакомился съ А. Мажураничемъ (не знаю, въ первую-ли поѣздку или позднѣе), подъ руководствомъ котораго изучалъ сербо-хорватское удареніе; въ Прагѣ А. А. познакомился съ Патерой и Гатталой.

Неутомимо трудовая жизнь, а можетъ быть и нѣкоторыя другія обстоятельства, состарили его не по лѣтамъ. Уже въ 1886 г., когда мнѣ привелось съ нимъ познакомиться, онъ смотрѣлъ старикомъ, очень сухощавымъ, хотя тогда еще бодрымъ и повидимому здоровымъ. Но въ послѣдніе годы болѣзнь все больше и больше ослабляла его. Почти при всякой легкой простудѣ у него возобновлялся бронхитъ; въ такомъ видѣ напр. я засталъ его весною 1888 г. Весною 1890 г. ему напротивъ повидимому стало лучше; явилась его прежняя живость, которая такъ увлекала на его лекціяхъ 1887 года.

Но съ осени 1890 г. и всю зиму А. А. чувствовалъ себя очень плохо и уже почти не могъ выходить изъ дому; однако, не желая лишать студентовъ своихъ лекцій, приглашалъ ихъ къ себѣ на домъ и читалъ изъ 3-й части своихъ „Записокъ по русской грамм.“, хотя чтеніе уже замѣтно его утомляло. Это 3-я часть „Записокъ“ особенно заботила покойнаго, и онъ не переставалъ работать надъ нею до самой послѣдней возможности, не смотря на болѣзнь.

Только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, врачи открыли у него болѣзнь почекъ, которая и свела его въ могилу. Поѣздка въ Италію, гдѣ онъ провелъ два лѣтнихъ мѣсяца 1891 г., какъ будто ¹⁾ нѣсколько помогли ему и, вернувшись въ Харьковъ, онъ въ сентябрѣ началъ было читать лекціи въ университетѣ, но вскорѣ долженъ былъ прекратить уже навсегда, вслѣдствіе инфлуэнцы, которая сильно его ослабила и усилила приступы болѣзни почекъ; весь октябрь и ноябрь онъ уже почти не вставалъ, хотя по временамъ кажущееся улучшеніе заставляло не терять надежды до конца.

Вотъ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Ал. Аѳ.-ча. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ его научныхъ трудовъ.

¹⁾ Такъ писалъ это слово покойный А. А. согласно съ этимологіей (буди-то изъ буди-то, какъ взятыя изъ взитися и т. п.), но вопреки официальной орфографіи.

Изъ перечня ихъ мы видѣли, какъ разнообразна его научная дѣятельность. Исслѣдованія о мотивахъ и символахъ народной поэзіи и въ области сравнительной мифологіи чередовались съ исслѣдованіями по языку, которыя и составляютъ главнымъ образомъ научную славу покойнаго. Въ этомъ отношеніи Потебни былъ филологомъ стараго типа, изучавшимъ языкъ въ связи съ народной поэзіей, народными вѣрованіями и обрядами. Такой широтой, такимъ разнообразіемъ свѣдѣній, не обладаютъ новѣйшіе ученые, которымъ приходится все больше и больше специализироваться.

Не смотря, однако, на свою многосторонность, Потебни отличался замѣчательной глубиной: многосторонность не дѣлала его поверхностнымъ въ этомъ сказывается его замѣчательное, изъ ряду вонъ выходящее дарованіе, такъ какъ глубина при многосторонности дается очень немногимъ.

Исслѣдованія по языку А. А. Потебни можно раздѣлить на фонетическія, фонетико-діалектическія, этимологическія, семасіологическія и синтактическія. Въ первыхъ затронуты самые важные вопросы фонетики русской и славянской: о полногласіи, о глухихъ звукахъ, о носовыхъ гласныхъ, о переходномъ смягченіи согласныхъ звуковъ. Къ вопросу о русскомъ полногласіи А. А. обращался два раза: первый разъ въ сочин. „Два исслѣдованія“ въ 1865 г., въ которомъ еще считалъ южнослав., ст. слав. и чешск. ра, ла, основную общеславянскою формою, лежащей въ основаніи и русскаго оро, оло (также думалъ и Ягичъ въ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг.); второй разъ въ 1875 г. въ 1-мъ вып. „Къ исторіи звуковъ“, гдѣ совершенно измѣнилъ свой первоначальный взглядъ. Подъ вліяніемъ статьи Бенфея въ „Orient und Occident“ (III, 1—77, 193—256 1864—1865), указывавшаго на появленіе короткой гласной между р, предшествуемому гласной, и слѣдующей согласной въ языкѣ Ведъ и Зендѣ, а также на сходныя явленія греческ. яз. А. А. находя подобное и въ латышскомъ, приходитъ къ заключенію, что полногласіе было нѣкогда явленіемъ общеславянскимъ: „младъ и молодъ независимо другъ отъ друга изъ мѣлѣдъ (ст. 119).

Почти въ то же время было признано полногласіе общеславянскимъ І. Шмидтомъ („Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus) и нѣсколько раньше Гейтлеромъ (Starobulharská fonologie“ 1873).

Это было нѣкоторымъ возвращеніемъ къ старинѣ, такъ какъ еще Максимовичъ въ 1839 и 1848 г., мнѣніе котораго А. А. приводитъ (стр. 117—119), считалъ полногласіе общеславянскимъ; также и К.

Аксаковъ (напр. въ разборѣ грамматики Буслаева во II т. сочин., ст. 454), хотя для послѣдняго въ русскомъ яз. были обѣ формы — и полногласная (древнѣйшая) и неполногласная (новѣйшая); только въ распоряженіи Максимовича и Аксакова не было тѣхъ научныхъ средствъ, какими обладали ученые 70-хъ годовъ. Для І. Шмидта русское полногласіе было зманчиво, какъ „svarabhakti“; для Гейтлера нужно было объяснить появленіе *a* въ глава, которое не могло явиться иначе, какъ вслѣдствіе удлиненія *o*, явившагося, по его мнѣнію, на славянской почвѣ изъ *ǫ*¹⁾, а причина удлиненія — стяженіе двухъ *o* въ праславянской полногласной формѣ; для А. А. Потебни была важнѣе всего постепенность звуковыхъ измѣненій, и на основаніи этого, полногласіе онъ считалъ путемъ, которымъ изъ *galva* могло развиваться глава и т. п. (этотъ взглядъ на образованіе южнослав. и чешскихъ формъ, мнѣ пришлось слышать отъ него и въ послѣдній годъ его жизни).

А. А. принималъ общеславянское полногласіе въ видѣ двухъ *ǫ* передъ и послѣ плавной (Гейтлеръ въ видѣ двухъ *o*, но оба они, по его мнѣнію, явились уже на славянской почвѣ, и первое — изъ кратк. *ǫ*), такъ какъ въ то время еще не было высказано въ сравнительной грамматикѣ сомнѣнія въ первичности древнѣ-индійскаго *a*, изъ котораго считались развившимися позднѣе въ европейскихъ языкахъ три звука; *a*, *o*, *e*; только во второй половинѣ 70-хъ годовъ Бругманномъ и Соссюромъ предложено было существованіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ трехъ гласныхъ: *a*, *a*₁, *a*₂ (или *a*, *ā*, *ä*). Другіе лингвисты болѣею частію не считаютъ необходимымъ ставить посредствующую ступень полногласія, а происхожденіе градъ, глава и т. п., объясняютъ путемъ простой перестановки; такого мнѣнія держался Миклошичъ въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ (послѣдн. издан. „Vergl. Gram.“ стат. „Ueber d. Ursprung der Worte von der Form *trêt* u. *trat*“, „Etymologisches Wörterbuch“), также И. В. Ягичъ и проф. Москов. универс. Ф. Θ. Фортунатовъ; по мнѣнію послѣдняго, очень тонкаго и глубокаго фонетика, простая перестановка вполнѣ возможна фонетически и оправдывается многими примѣрами изъ разныхъ индоевропейскихъ языковъ.

Выводы А. А. Потебни относительно носовыхъ гласныхъ („Къ ист. звук.“ I. 211—217 и „Archiv f. slav. Phil.“ III, 614—620) тѣ, что гласн. элементъ въ *ǫ* и *ǫ̃* въ древне-польскомъ и, вѣроятно въ общеславянск. всегда былъ *a* іотован или неотован. Выводъ этотъ для др. польскаго

¹⁾ Что краткое *a* родственныхъ яз. = общеслав. *o*, теперь считается общепризнаннымъ въ лингвистикѣ.

языка нашель поддержку потомъ въ спеціальной работѣ Ледеевского („Der Lautwert' der Nasalvocale im altpolnischen“, Wien, 1886), хотя выводы послѣдняго вызвали нѣкоторыя сомнѣнія Ягича и Брикнера въ X-мъ т. „Archiv f. sl. Phil.“ Въ послѣднее время А. А. о носовыхъ не высказывался опредѣленно, такъ какъ вообще вопросы фонетики интересовали его меньше, чѣмъ прежде.

Въ вопросѣ о переходномъ смягченіи Потебня удачно указаль на параллельныя со славянскими явленія романскихъ языковъ.

Особенно обращу вниманіе на его объясненіе измѣненія *tj* и *dj* и въ связи съ этимъ *kt* передъ *i* или *ь* (ст. слав. пещти и существ. пещть, русск. печи, печь и т. п.), которое довольно близко подходитъ къ объясненію проф. Фортунатова, недавно высказанному въ „Archiv f. sl. Phil.“ XI. 568.

Именно, А. А. предполагалъ, что изъ *tj dj* получалось въ одной группѣ нарѣчій *ч'ч'* *дж'дж'* которыя лежатъ въ основаніи ст. сл. и болг. *шт*, *мед*: свѣшта, межда и русск. *ч'* и *дж'* (сохранилось диалектически, но б. ч. измѣнилось въ *жу*): свѣчя, меджя, въ другой группѣ *tmj* и *dmdj*, откуда серб. *mj* и *dj*: свиѣтја, медја; въ 3-ей—*ч'ч'* и *jj* (изъ *dmdj*), откуда хорут. *ч* и *ј*: свѣса и меја; въ 4-ой—*ч'ч'* и *дж'дж'*, откуда западнославян. *ц* и *дз*: sveča и medza („Archiv f. sl. Philol.“ III, 600—601, или „Къ истор. звук.“ II) ¹⁾. При измѣненіи *kti kti* А. А. предполагалъ смягчающее дѣйствіе *i* (*ь*) на *k* черезъ *t*, измѣнившее *k* въ однихъ нарѣчіяхъ въ *ч'*, въ другихъ *ч'*, а затѣмъ ассимиляцію съ ними слѣдующаго *t*, такъ что результатъ получился тотъ же, что и при *tj*. Въ этомъ объясненіи, какъ и въ выше приведенномъ мнѣніи о полногласіи, сказывается нелюбовь Потебни къ объясненію скачками, а стремленіе во всѣхъ фонетическихъ явленіяхъ видѣть постепенное измѣненіе звука. Статьи Потебни о небности могутъ считаться едва-ли не лучшими изъ того, что вообще писалось объ этомъ вопросѣ

Изъ вопросовъ по исторіи звуковъ русскаго яз. слѣдуетъ обратить вниманіе на мнѣніе А. А. Потебни о времени исчезновенія глухихъ звуковъ („Къ истор. звук.“ I, гл. IV и „Разборъ сочин. Житецкаго, гл. VI). По его мнѣнію, звуки *ъ* и *ь* жили очень долго въ русскомъ яз., а въ нѣкоторыхъ говорахъ сохраняются и до сихъ поръ. Напи-

¹⁾ Какъ на подобное явленіе болѣе поздняго времени Потебня указываетъ на вост. малорусское *т'т'* изъ *tmj*, *д'д'* изъ *dj*: плат'тя, колод'дя, а при болѣе зубномъ *ј* является въ бѣлорус. — *ч'це*, *дж'дзе*; если бы *ј* было еще болѣе задненебнымъ, могло бы явиться *ч'ч'*, *дж'дж'* Archiv. f. sl. Phil. 597—597.

санія съ чист. *е* и *о* въ рукописяхъ XIV, XV и даже XVI в. вмѣсто *ь* и *ъ* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ теперь они въ нынѣшнихъ говорахъ исчезли (Болонескѣ, пополонока), съ другой стороны пропускъ *ь* или *ъ* на письмѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы теперь слышимъ чистый, свидѣтельствуютъ, по его мнѣнію, о томъ, что въ говорѣ писца въ этихъ случаяхъ были глухіе звуки, ибо чистый звукъ, образовавшійся изъ глухого, не могъ бы исчезнуть потомъ безъ слѣда, а съ другой стороны писецъ не сталъ бы пропускать на письмѣ чистыхъ звуковъ.

Въ томъ же сборникѣ „Къ ист. звук.“ I, укажу на прекрасную статью А. А—ча: „Этимологическія различія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ“.

Перехожу къ діалектическимъ трудамъ А. А. Потебни. Въ этой области ему несомнѣнно и до сихъ поръ принадлежитъ первое мѣсто между всѣми, изучавшими научно русскіе говоры. А когда появился его первый трудъ „о звукахъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (1866 г.), научная разработка нашихъ говоровъ была почти не тронута, такъ какъ труды Дали могутъ считаться только собраніемъ богатаго матеріала безъ надлежащей его обработки. Всѣ статьи Ал. А—ча по изученію русскихъ говоровъ („О звуков. особ. рус. нар.“, „О малорусск. нарѣч.“, „Разборъ соч. Житецкаго“ и отдѣльн. замѣтки въ нѣкот. другихъ сочин.) отличаются замѣчательной тонкостью наблюденія, глубиною, осторожностью и оригинальностью выводовъ. Начало русскихъ говоровъ онъ относилъ къ незапамятнымъ временамъ, задолго до появленія письменности и исторію русскаго языка онъ понималъ, какъ исторію русскихъ говоровъ. При этомъ нелишнимъ считаю сообщить взглядъ А. А—ча на говоръ вообще, какъ мнѣ пришлось слышать отъ него въ прошломъ году: строго говоря, говоръ можетъ быть представленъ только однимъ человѣкомъ, такъ какъ нѣтъ двухъ лицъ, говорящихъ вполне одинаково даже въ одной семьѣ; слѣдоват., то, что мы обыкновенно называемъ однимъ говоромъ, есть въ сущности собраніе взаимодействующихъ говоровъ, а потому нѣчего ¹⁾ удивляться, что звуковые законы имѣютъ исключенія, и непремѣнно искать объясненія этихъ исключеній въ звуковой аналогіи; кто выставляетъ положеніе объ отсутствіи исключеній въ звуковыхъ законахъ, тотъ забываетъ, что говоръ въ жизни никогда не существуетъ самъ по себѣ, а всегда нахо-

¹⁾ А. А. въ послѣднихъ своихъ трудахъ писалъ нѣчего, нѣкого, нѣкогда (нѣтъ времени) и т. п., согласно съ этимологіей (см. объясненіе въ сочин. „Изъ запис. по рус. грам.“ II, 423, 2-е издан.), но противъ официально принятаго въ школахъ и учебникахъ.

дится подъ тысячью самыхъ разнообразныхъ вліяній. Вслѣдствіе этого А. А. не любилъ злоупотреблять объясненіями помощью звуковой аналогіи, которыя особенно въ ходу въ произведеніяхъ „ново-грамматической“ школы; онъ находилъ, что, стремясь къ точности въ фонетикѣ, при этихъ объясненіяхъ часто грѣшатъ противъ синтаксиса.

Всѣ русскіе говоры А. А. дѣлилъ на три группы или полосы: 1) сѣверную (говоры сѣверно-великорусскіе —окающіе), 2) среднюю (южно-великорусскіе говоры вмѣстѣ съ бѣлорусскими ¹⁾—акающіе) и южную (говоры малорусскіе опять окающіе). Главнымъ основаніемъ дѣленія у него служила фонетика и преимущественно различное произношеніе гласныхъ въ виду неопредѣленности и неразработанности другихъ отдѣловъ языкознанія. Изъ отдѣльныхъ діалектическихъ явленій едва-ли не въ первый разъ было показано и научно формулировано Ал. А.—чемъ измѣненіе неударяемыхъ гласныхъ въ южно-великорусскихъ говорахъ. А. А. указалъ разницу въ измѣненіи неудар. *а* и *е* въ слогахъ непосред. передъ слогомъ ударяемымъ и въ слогахъ черезъ слогъ передъ ударяемымъ (гѣлава изъ голова и пирядомъ изъ передомъ) и съ другой стороны въ слогѣ непосредственно послѣ ударяемаго, по слабости произношенія равняющемуся третьему слогу передъ ударяемымъ (гѣльву изъ голову, пѣрид или пѣрит изъ перед, дѣрйво изъ дерево). Въ статьѣ о малорусскомъ нарѣчьи разобрано характерное измѣненіе гласной *ь*, а также гласныхъ *е* и *о* въ слогахъ среднихъ, при чемъ объяснены всѣ разнообразія этихъ измѣненій въ говорахъ, изъ которыхъ наибольшую старину сохранили сѣверно-малорусскіе говоры (напр. волъ, конь=Заблудов. вуол, куон'=Бѣльск. и Брестск. вюл, кюн'=Кобрин. вул, кун' или вил, кин'=Сосниц. Черниг. губ. вуэл, куэн'=украин. віл, кін').

А. А. первый, кажется, обратилъ вниманіе на важное фонетическое явленіе преимущественно сѣверно-великорусское, которому онъ далъ названіе втораго полногласія („Къ истор. звук.“ I, 85—108); сюда относятся такіа явленія, какъ напр. новгородс. верѣх, возходящее къ древнему вѣрѣхъ вмѣсто вѣрхъ=нынѣшн. вер'хъ въ другихъ говорахъ (ст. сл. врѣхъ). А. А. старался прослѣдить это явленіе въ древнерусскихъ памятникахъ съ XI-го вѣка и находилъ начало его уже въ древнѣйшемъ памятникѣ Новгородскаго письма, Остромировомъ Евангеліи.

¹⁾ Что „гораздо правильнѣе Бѣлорусскій говоръ считать мѣстнымъ говоромъ Великорусскаго нарѣчія, а не отдѣльнымъ нарѣчіемъ“, высказано уже И. И. Срезневскимъ („Мысли объ исторіи русск. яз.“, изд. 1887, стр. 36).

Занимался этимологіей различных бытовых словъ, Потебня много едѣлалъ и для исторіи русскаго быта. На лекціяхъ, при чтеніи древнерусскихъ памятниковъ, онъ часто давалъ объясненія многихъ темныхъ юридическихъ и бытовыхъ терминовъ. Можно было удивляться глубинѣ его познаній въ исторіи великорусскаго и особенно малорусскаго быта. Въ IV-мъ вып. „Къ исторіи звуковъ р. яз.“ онъ далъ объясненія словъ: село, деревня, выть, обжа и мног. другихъ, весьма важныхъ и характеристичныхъ для русскаго быта. Лучшее объясненіе слова „село“, принадлежитъ ему: указывая на то, что въ др. русскомъ и старо-славянскомъ („сѣно сельною и т. под.) оно имѣло бѣльшую частью значеніе „земли“, „поля“, онъ сближаетъ его съ лит. *szalis* ¹⁾ „сторона“, „край“ (стр. 4—5). На основаніи стариннаго великорус. выраженія „распахать деревню“ и т. подобн. выраженій, свидѣтельствующихъ о томъ, что „деревни“ есть синонимъ поля, росчисти, А. А. сближаетъ это слово съ литов. *dirvā* („Asker“), относя къ одному корню съ глаголомъ дѣрати (стр. 18—19).

Но главную славу Потебни составляютъ его изслѣдованія по сравнительному синтаксису. Я рѣшаюсь сказать, что въ этой мало разработанной области языкознанія ему принадлежитъ пальма первенства между всѣми славянскими, а можетъ быть, и европейскими учеными. Надо замѣтить, что 1-е изданіе „Записокъ по русск. грам.“ написано раньше, чѣмъ авторъ успѣлъ познакомиться съ сочин. Миклошича „Vergleichende. Syntax“ (1874).

Во 2-й части „Записокъ“ разобрано употребленіе падежей и неопредѣленное наклоненіе; особенное вниманіе обращено на употребленіе двойныхъ падежей. Всего прежде идетъ рѣчь о составномъ сказуемомъ, указывается на сочетаніе причастій дѣйств. съ **бѣ**смь, буду въ именит. пад. (кромя причастъ на лѣ); А. А. кажется, впервые разрушилъ убѣжденіе, что подобное употребленіе причастій въ древнемъ яз. зависитъ отъ буквального перевода съ греческ.; онъ привелъ такіе примѣры, гдѣ наоборотъ въ греч. стоитъ *verb. finit.*, а въ славянск. причастіе съ вспомог. глаголомъ. Указано на самостоятельность причастія въ древнерусск., ст.-славян., другихъ славянскихъ нарѣчійхъ, литовскомъ и греческомъ, благодаря которой причастіе могло отдѣлиться отъ главнаго сказуемаго союзомъ соединительнымъ („вставъ, и рече“, стр. 187). По мѣрѣ того, какъ причастіе становилось дѣепричастіемъ, подобные обо-

¹⁾ Хотя не менѣе вѣроятно и сближеніе съ лат. *solum* „почва“ и м. б. литов. *salā* „островъ“, которое высказано на стр. 2 того же сочин., но потомъ оставлено вслѣдствіе лит. *szalis*.

роты становились все менѣе возможными. А. А. предполагает, „что въ концѣ XIV в. причастія дѣйствительныя аппозитивныя были уже только въ книжномъ яз., и дѣепричастіе, какъ въполнѣ опредѣлившаяся часть рѣчи, уже существовало, хотя и отличалось кое-чѣмъ отъ нынѣшняго (стр. 182). „Относительная самостоятельность аппозитивнаго причастія въ древнемъ яз. и сходство его функціи съ функціей главнаго (глагольнаго) сказуемаго проявляются не только въ отдѣленіи его отъ сказуемаго союзомъ, но и ...въ возможности подлежащаго съ аппозитивнымъ причастіемъ при глагольномъ сказуемомъ, имѣющемъ свое подлежащее“ (стр. 194). Вслѣдствіе этого возможны были въ древнемъ яз. такіе примѣры именит. самостоят., какъ Новгор. I. 1: А вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити (стр. 196).

Далѣе объяснено употребленіе причастія въ смыслѣ сказуем. придат. предложенія, связаннаго съ главнымъ сказуемымъ посредствомъ относит. слова, весьма обычное въ ст. слав., др. русскомъ и старо-чешскомъ: нѣсть, кѣто ихъ при¹⁶мл^л. Изборн, 1076 г., невѣдяху бо, камо бѣжаще. Ипат. 156 (480), Nenie, kto so pověda Alexandr. и т. п. (ст. 205, 206, 212). Остатки подобныхъ оборотовъ А. А. указываетъ и въ нынѣшнихъ говорахъ: вел.-рус. „кто кого смога...“, малорус. Чумакъ, кого здря, такъ и часту¹⁶ (ст. 217). Въ литовскомъ и латышскомъ подобное же: jie nežino, ką darą. Лук. 23.34=букв. невѣд^лть, чѣто твор^лще.

На стр. 231—299 разобрано употребленіе причастій прошедш. на л, указано обращеніе ихъ въ прилагат. въ русск. и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, разница въ употребленіи русскихъ причастій на л съ польскими и чешскими: польск. донинѣ употребляетъ членныя причастія на л, не превращая ихъ непременно въ прилагательныя: ciasto dobrze wykisiałe — выкисшее тѣсто и т. п. (242); указаны способы употребленія прич. на л при различныхъ временахъ вспомогат. глаг: ¹⁶смѣ, бѣхъ быхъ (условно — желать.), бѣдѣ (буду); употребленіе послѣдняго съ причаст. при условныхъ союзахъ вызвало условное значеніе буду, откуда великорусск. буде (3 л. ед. ч.) въ смыслѣ условнаго союза.

Переходя къ употребленію вторыхъ косвенныхъ падежей, А. А. остановился на характерномъ свойствѣ перваго винит. въ др. русскомъ и нѣкоторыхъ новыхъ славян. нарѣчіяхъ, общемъ съ латышскимъ, по которому послѣ глаголовъ: „sentiendi“, „cognoscendi“, „declarandi“ можно было употреблять безпредложный винит. не только непосредств. пред-

мета воспріятія, но и дальнѣйшаго, что мы теперь обыкновенно замѣняемъ оборотомъ съ предлогомъ про или о: слышавъ смерть Изяславлѣ Ипат. 77 (328), увѣдаша Пльсковичи погоню Новгор. 1,59, великорус. сказываетъ журавля на соснѣ. Даль, послов. 872, малорус. Спустимосѣ вниз по Дунаю, Гей по Дунаю под Царегород: Ой чуемо там доброго пана (Костомар. въ малор. сб. Мордовцева, 192), серб. *овтје* нама кажу мому неудату (Кар. Пјес 1), лотыш. пасака мамуль іню. Спрог. 215=букв. „сказала матушку“ т. е. „сказала, гдѣ матушка“. Подобное встрѣчается въ санскр. и греч. (*ἄνδρα μοι ἔννεπε Μῦσᾱ πόλιν* *τροπὸν*. Od. I, 1) (стр. 300, 302, 303). Ал. Аѳ. видѣлъ въ этихъ оборотахъ остатки такого первобытнаго состоянія мысли, которое „напоминаетъ состояніе дитяти, только что начинающаго пользоваться чувствами и протягивающаго руки къ предметамъ, которыхъ схватить не можетъ“ (299—300). Далѣе разсмотрѣны случаи употребленія второго вин. (существ., прилаг., причаст.) 305—325, второго род. (324—330), при чемъ указаны случаи родит. самостоят.: того же лѣта исходяча... приходи Романъ... (Лавр. 329), второго дательнаго: объясненъ дательн. самостоятельный (330—342).

Въ большой главѣ о неопредѣл. наклоненіи А. А. коснулся ограниченія его употребленія въ сербск. и болгар., приведшаго въ послѣднемъ къ потерѣ формы на ти (360—362), подробно разобралъ случаи употребленія неопредѣл. субъективнаго при формальныхъ или близкихъ къ формальности глаголахъ (ст. слав. имаамъ, имѣю, югозап. рус. маю, малор. иму, ст. сл. хочѣю, др. рус. хочу, серб. *омју* и т. п.) и при неформальныхъ глаголахъ и сходныхъ прилагат. (стр. 362—382); —неопредѣл. со вторымъ именит. (382—383).

Далѣе употребл. неопредѣл. объективнаго: винит. съ неопредѣл. (384—387), дательн. съ неопредѣл. (388—391), второго дательн. съ неопредѣл. лучше же бы потяту быти (кому), неже полонену быти. Сл. о п. Игор. (391 и слѣд.).

Вездѣ приводятся многочисленные примѣры изъ древне-русской письменности и родственныхъ языковъ славянскихъ и неславянскихъ.

Разсмотрѣны обороты неопредѣл. наклоненія, связаннаго съ главнымъ предложен. посред. относит. слова: неимѣть, чесо вѣсти О. св. Мат. 15,32 (*τί φάσις*), нѣ—камо ся дѣти Лавр. 30, соврем. великор. нѣчего дѣлать, малорус. нічого робити и т. п. (стр. 419—424), неопредѣл. пѣли и слѣдствія (425—434), неопред. съ бы и союзами сложными съ бы (435—443) и абсолютн. неопред. („я знать

не знаю, вѣдать не вѣдаю“) въ сравненіи съ литовск., латышск. и польскимъ.

Послѣдняя глава посвящена творительному падежу. Чтобы перейти къ творит., замѣняющему вторые согласуемые падежи, столь характерному для славянскихъ нарѣчій, А. А. разбираетъ и другіе находящіеся въ связи съ этимъ случаи творительнаго (соціативный, мѣста, времени, орудія, при страдат. сказуемомъ, и именахъ и нарѣчіяхъ, творит. причины и образа дѣйствія) 443—534 стр. Творительный, условленный страдательнымъ сказуемымъ, общій славянскимъ языкамъ съ санскритскимъ и языкомъ Вѣдъ, выводится Потебнею изъ творит. орудія изъ всѣхъ, приводимыхъ имъ объясненій другихъ ученыхъ, онъ всего больше согласенъ въ этомъ случаѣ съ Буслаевымъ; но Потебня особенно указываетъ на важность страдательности сказуемаго, которая и отличаетъ этотъ творит. отъ творит. орудія (стр. 367). Творительный, замѣняющій вторые согласуемые падежи, извѣстный подъ именемъ творит. признака и состоянія (Буслаевъ) или твор. предикативнаго, принадлежащій „къ своеобразнѣйшимъ явленіямъ славянскаго и литовскаго языка“ (ст. 493, 499), выводится Ал. Ао—чемъ изъ творит. образа въ частномъ случаѣ, какъ „пѣть соловьемъ“, „плыть гоголемъ“, „ити воеводою и т. п. (ст. 502), т. е. изъ того случая творит. образа, когда его субстанція совпадаетъ съ субстанціею подлежащаго: „ити воеводою“ близко къ „стать (быть) воеводою“.

Такимъ образомъ, въ этомъ капитальномъ трудѣ рассмотрѣны А. А. Потебней самыя характерныя, самыя важныя явленія синтаксиса; но, согласно со взглядомъ покойнаго на значеніе словъ „синтаксисъ“ и „этимологія“, о чемъ дальше, вѣрнѣе было бы назвать этотъ трудъ, какъ и всякій сравнительно-историческій трудъ, этимологическимъ, оставляя слово „синтаксисъ“ только для чисто описательныхъ грамматическихъ руководствъ. Во второмъ изданіи „Записокъ“ А. А. уже постоянно ссылается на Миклошича V. Gr. IV, во многомъ расходясь съ его объясненіями. Много ссылокъ и на разные другіе большіе труды (Буслаева, Гатталу, Шерцеля, Дельбрюка), обличаютъ огромную начитанность автора, не помѣшавшую ему быть, однако, вполне самостоятельнымъ и вездѣ высказать свой оригинальный взглядъ. Много замѣтокъ по синтаксису, или, вѣрнѣе, по этимологіи и семасіологіи разбѣяно также въ другихъ сочиненіяхъ А. А.—ча (напр. развитіе значенія нѣкоторыхъ словъ, выраженій, образованіе союзовъ изъ другихъ частей рѣчи и т. под.).

А. А. Потебня былъ представителемъ философскаго языкознанія. Въ этомъ отношеніи изъ западныхъ ученыхъ всѣхъ больше на него оказали вліяніе Вильгельмъ Гумбольдтъ („Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts“) и Штейнталь („Grammatik, Logik und Psychologie“ и „Characteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues“). Для уясненія этого мы должны обратиться къ сочиненію „Мысль и языкъ“, написанному А. А.—чемъ въ ранней молодости (въ 1862 г. уже напечатано); но, не смотря на то, что автору было только 26 лѣтъ, онъ показалъ не только большую начитанность въ классическихъ европейскихъ сочиненіяхъ по философіи и общему языкознанію; но и большую самоостоятельность и глубину мысли. Въ виду библиографической рѣдкости этого сочиненія, рѣшаюсь сообщить въ короткихъ словахъ его содержаніе, выписавъ цѣликомъ болѣе важныя мѣста. Послѣ критики различныхъ мнѣній о происхожденіи языка, начиная съ прошлаго столѣтія, которая заканчивается разборомъ мнѣнія В. Гумбольдта, стоявшаго „на рубежѣ двухъ направленій науки“, „геніальнаго предвозвѣстника новой теоріи языка, невольнѣ освободившагся отъ оковъ старой“ (т. е. логической грамматики) (Ж. М. Н. Пр 1862, CXIII, ст. 42), Потебня въ гл. IV-й переходитъ къ вопросу о соотношеніи языкознанія къ психологіи, излагаетъ Гербартову теорію представленій; въ слѣд. главѣ говоритъ о чувственныхъ воспріятіяхъ, затѣмъ о рефлексивныхъ движеніяхъ и образованіи членораздѣльнаго звука; въ VII-й главѣ о языкѣ чувства и языкѣ мысли; въ VIII-й—о словѣ, какъ средствѣ апперцепціи; въ IX-й о представленіи, сужденіи, и понятіи; въ послѣдней X-й о поэзіи и прозѣ. Эта послѣдняя глава особенно важна для уясненія взгляда Потебни на языкъ. Здѣсь онъ различаетъ поэтическое (символическое, образное) и прозаическое мышленіе. Здѣсь же выставлено различіе формы внѣшней (звуковой) слова и внутренней (способа выраженія). Высказывается Гумбольдтовскій взглядъ, что поэзія и проза суть „явленія языка“: „Изъ языка, первоначально тождественнаго съ поэзіею, слѣдовательно изъ поэзіи, возникаетъ позднѣйшее раздѣленіе и противоположность поэзіи и прозы, которыя, говоря словами Гумбольдта, должны быть названы „явленіями языка“ (ib. CXIV, ст. 109). Указывается на противоположность поэзіи и науки; поэзія мыслить конкретно, образами, представленіями, чѣмъ удовлетворяетъ врожденной человѣку потребности видѣть вездѣ цѣльное и совершенное; „наука раздробляетъ міръ, чтобы сѣизнова сложить его въ строй-

ную систему понятій“ (111 ст.), чего однако никогда почти не удастся. Тутъ же высказывается и мысль о субъективности науки, которой А. А. держался до послѣдняго времени: „Въ обширномъ и вмѣстѣ строгомъ смыслѣ, все достояніе мысли субъективно, т. е. хотя и условлено виѣшнимъ міромъ, но есть произведеніе личнаго творчества; но въ этой всеобъемлющей субъективности можно разграничить объективное и субъективное и отнести къ первому—науку, ко второму—искусство“ (стр. 111). Высказывается мысль объ относительности понятій субъективнаго и объективнаго: „Безъ сомнѣнія придетъ время, когда то, что намъ представляется свойствомъ самой природы, окажется только особенностью взгляда нашего времени“.. „Нѣтъ ничего легче, какъ съ высоты, на которую безъ нашей личной заслуги поставило насъ современное развитіе человечества, презрительно взирать на все, отъ чего мы уже отошли на нѣкоторое разстояніе“ (ib. ст. 122).

Изъ этого сочиненія мы видимъ, какъ рано у Потебни сложился тотъ трезвый взглядъ на развитіе человечества, языка и науки, который онъ высказывалъ въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ (во „Введеніи“ и въ напечатанной 2-й ч. „Записокъ по рус. грам.“). Много подобныхъ мыслей пришлось слышать отъ А. А.—ча на лекціяхъ послѣдняго года. Онъ говорилъ, что наука всегда субъективна и національна, такъ какъ есть плодъ усилій немногихъ ученыхъ, находящихся въ зависимости отъ языка, которымъ пользуются; кажущаяся объективность науки достигается только до извѣстной степени по мѣрѣ ея отвлеченности, а потому наименьшей субъективностью отличается математика, хотя всетаки не все равно сказать: „дважды два“ и zweimal zwei, ибо каждое выраженіе носить слѣды своего особаго міросозерцанія.

Въ связи съ этимъ взглядомъ на науку находится нелюбовь Потебни къ рѣзкимъ и самонадѣяннмъ выводамъ, къ увлеченію одной теоріей въ ущербъ прочимъ. Уже въ 1865 г. онъ писалъ: „Исслѣдователю нечего ¹⁾ бояться упрека въ томъ, что онъ самъ не увѣренъ въ истинѣ своихъ словъ: если избранный имъ путь оказывается ложнымъ, то для другихъ польза въ томъ, что они увидятъ эту ложность“ („Два изслѣдованія“ I ст. 44 примѣч.). Увлекаясь одной теоріей, мы должны помнить и о предшествующей ей, а также и о томъ, что послѣ насъ другіе создадутъ новую; не слѣдуетъ думать, что мы сказали послѣднее

¹⁾ Въ сочиненіяхъ 60-хъ годовъ А. А. писалъ это и другія подобныя слова черезъ *e*, согласно съ принятой ореографіей, но позднѣе по требованію этимологій черезъ *ъ*

слово науки, а, какъ ошибались до насъ, такъ и мы можемъ ошибаться, и послѣ насъ всегда будутъ ошибки. Пониманіе языка въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ Ал. Аѳ. высказалъ и въ заключительныхъ словахъ автобіографіи, напечатанной въ приложеніи къ III-му т. „Исторіи русской этнографіи“, стр. 423 Пыпина. Такимъ образомъ въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ—3-й ч. „Записокъ“ и „Теоріи словесности“ онъ всего больше интересовался тѣми вопросами языкознанія, которые привлекли его вниманіе въ молодости.

До сихъ поръ я почти ничего не сказалъ о 1-й ч. „Записокъ по рус. грам.“, въ которой представлена критика опредѣленій корня, формы, предложенія и частей его. На основаніи этого и другихъ сочиненій и лекцій можно опредѣлить взглядъ А. А.—ча на языкъ. Вопреки мнѣнію Спенсера, считающаго языкъ тормазомъ мысли, А. А. говорилъ, что мыслить можно только при посредствѣ языка. Языкъ есть живой организмъ, который тѣсно связанъ съ мыслью человѣческой, постоянно измѣняется и, разрушая прежнія формы, постоянно создаетъ новыя. Въ противоположность нѣкоторымъ ученымъ, дѣлившимъ исторію языка на періодъ созданія формъ и періодъ ихъ разрушенія, А. А. говорилъ, что созданіе и разрушеніе формъ одновременны. В. Гумбольдтъ, говорившій о періодѣ созиданія (когда языкъ былъ цѣлю) и періодѣ употребленія (когда языкъ сталъ средствомъ), однако самъ находилъ, что въ дѣйствительности тѣснаго разграниченія этихъ періодовъ не существуетъ, а „постоянная работа духа, состоящая въ употребленіи языка, оказываетъ непрерывное вліяніе на самое строеніе языка, на созданіе формъ“, („Введеніе“, ст. 49—50). Языкъ, по мнѣнію Потебни, согласно съ этимъ ограниченіемъ Гумбольдта, употребляется и создается въ одно и то же время. Грамматическая форма не есть только звуковое выраженіе, а есть способъ выраженія вещественнаго содержанія, есть значеніе. Вслѣдствіе того, что различныя формы имѣютъ часто одно звуковое выраженіе, ихъ узнать можно только въ рѣчи, въ связи съ другими формами. Вообще всякое слово имѣетъ опредѣленное вещественное и формальное значеніе только въ рѣчи; вырванное изъ связи, оно не имѣетъ смысла. Нельзя на основаніи того, что новыя языки имѣютъ меньше звуковыхъ выраженій для извѣстныхъ категорій, чѣмъ древнія, говорить о паденіи формъ. Чтобы узнать, уменьшается ли число формъ въ данномъ языкѣ, нужно сосчитать не число различныхъ звуковыхъ окончаній, а число формальныхъ значеній (стр. 55—56), что обыкновенно не принимается во вниманіе. Противъ различенія формъ этимологическихъ и синтактическихъ (флексивныхъ и

описательныхъ) Потебня находилъ, что всякую форму можно разсматривать и съ этимологической и съ синтактической точки зрѣнія. По его мнѣнію, это не двѣ части грамматики, а только двѣ различныхъ точки зрѣнія на языкъ. Синтактическая точка зрѣнія—описательная, этимологическая—историческая. Какъ вещественное, такъ и формальное значеніе слова можетъ быть разсматриваемо и съ той и съ другой стороны. Синтаксисъ разсматриваетъ употребленіе словъ въ данный моментъ языка и опредѣляетъ значеніе словъ изъ сочетанія ихъ съ другими; этимологія изыскиваетъ путь, которымъ языкъ дошелъ до этого значенія (стр. 36—38 2-го изданія „Записокъ“).

Въ оставшейся не напечатанной 3-ей ч. „Записокъ“ А. А. затрогиваетъ такіе глубоко интересные вопросы философскаго языкознанія, какъ образованіе категорій существительныхъ и прилагательныхъ; старается опредѣлить, коково должно было быть первичное имя, и предполагаетъ, что первичное имя было всего ближе къ причастію, т. е. что въ немъ было заключено больше энергіи, чѣмъ въ нынѣшнемъ существительномъ, означающемъ дѣйствующее лицо. Восходя къ древности по памятникамъ древне-русскимъ и старо-славянскимъ, онъ старается указать, что разница между именемъ существит. и прилагательнымъ не была такъ рѣзка, какъ теперь, доказательствомъ чего служатъ такіа имена, которыя могли употребляться и въ качествѣ существительныхъ и въ качествѣ прилагательныхъ (прокъ, инокъ и т. п.), а съ другой стороны присоединеніе члена къ именамъ существительнымъ, уподоблявшее ихъ членнымъ прилагательнымъ (дѣвая въ Минеяхъ и друг. памятникахъ); также старается доказать, что древнѣйшее значеніе существит. есть значеніе (имя) дѣйствующаго лица. Эта близость къ прилагательному видна изъ паратактической атрибутивности существительнаго, массу примѣровъ которой привелъ А. А. изъ древне-русскихъ памятниковъ и народной поэзіи русской и славянской. Эта паратактичность существительнаго при своемъ опредѣляемомъ (церковь—Спасъ, церковь—Софія и т. п. вмѣсто нынѣшняго литерат. ц. Спаса и т. п.) восходитъ къ глубокой древности. Ссылаясь на Шерцля („Синтакс. др. индійск. языка“), А. А. приводилъ уже изъ языка Вѣдъ такіе примѣры, какъ „облакомъ—дождемъ“ (т. е. или „облачнымъ дождемъ“, или „дождевымъ облакомъ“), „ногами слонами“ (т. е. „ногами слоновъ“); но, что особенно важно,—*Indraya patave*—„Индръ питью“, т. е. для питья; здѣсь въ дательномъ атрибутивномъ, согласованномъ съ дат. лица, отлагательное существ., и, зная, что славяно-литовское неопредѣленное

наклон. этимологически восходить въ дат. и отглагольн. существъ (только въ иной звуковой формѣ, чѣмъ приведенная изъ Вѣдь), мы можемъ себѣ уяснить характерный славяно-литовскій оборотъ дат. съ неопредѣленнымъ.

Скажу теперь немного о другихъ научныхъ трудахъ А. А. Потебни. Они касаются главнымъ образомъ изученія народной поэзіи и народныхъ обрядовъ со стороны ихъ символики и остатковъ языческихъ вѣрованій. А. А. не особенно сочувствовалъ господствующей теперь теоріи заимствованія, объясняющей многія народныя преданія и вѣрованія изъ книжныхъ источниковъ христіанскаго времени, и болѣе придерживался старой мифологической теоріи, представители которой у насъ Аванасевъ и Буслаевъ. Мнѣ пришлось слышать отъ А. А.—ча три года назадъ слѣдующія слова: „Слишкомъ рано похоронили у насъ славянскую мифологию: сравненіе греческихъ именъ съ санскритскими показываетъ, что уже до раздѣленія Грековъ и Индійцевъ была развитая религія; странно было бы, если бы Славяне ея не имѣли. Не гомериды создали греческую мифологию; напротивъ, у нихъ видно уже скептическое и ироническое отношеніе къ богамъ. Умалчиваніе нашихъ лѣтописцевъ и другихъ или упоминаніе только ескользь о народныхъ вѣрованіяхъ объясняется презрительнымъ отношеніемъ монаховъ къ этимъ вѣрованіямъ. По отсутствію данныхъ нельзя дѣлать выводъ только отрицательный. Вѣдь, если бы не сохранилось „Слово о полку Игоревѣ“, пожалуй, кто нибудь сдѣлалъ бы выводъ, что у Славянъ не было народной поэзіи“. Съ этой точкой зрѣнія написаны нѣкоторые сочиненія 60-хъ годовъ и особенно „О мифическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. Первый печатный трудъ А. А.—ча былъ посвященъ символикѣ народной поэзіи. Къ этимъ занятіямъ онъ вернулся опять въ концѣ 70-хъ годовъ въ сочин. „Малорусская пѣсня по списку XVI в.“ и „Слово о полку Игоревѣ“, а затѣмъ уже въ 80-хъ годахъ въ большомъ прекрасномъ трудѣ „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень“; второй выпускъ заключаетъ разборъ поэтическихъ мотивовъ „колядокъ и щедровокъ“. Здѣсь описано много обрядовъ; объяснено символическое значеніе множества пѣсень, а иногда цѣлыя страницы этимологическихъ изысканій различныхъ обрядныхъ именъ. Въ I. 16—38 приводится критика того, что до сихъ поръ писалось о Лелѣ и Ладѣ, которыхъ считали многіе изслѣдователи божествами древнихъ Славянъ. А. А. указываетъ на то, что, „Лель, какъ имя божества, не фактъ, а очень шаткая догадка“. Приведя все, что извѣстно

о припѣвкѣ Ладо въ разныхъ пѣсняхъ великорусскихъ, малорусскихъ, сербскихъ и др., а также этимологию этого слова, А. А. въ концѣ говоритъ: „Для миѳологіи положительныхъ результатовъ здѣсь никакихъ“. Во II-мъ вып. стр. 41 повторено объясненіе Авсены, высказанное раньше уже въ сочин. „О миѳич. значен. нѣкот. обрядовъ и повѣрій“ (мнѣ пришлось его слышать отъ А. А.—ча также на словахъ). Находя въ памятникахъ XVII-го вѣка нѣсколько разъ ф. усень (коледу и усень), А. А. предполагалъ, что припѣвка овсень, авсень возникло изъ „ой усень“, „о усень“ (а—въ акающ. говорѣ); усень же возводится къ корню us—, что въ лит. *auszrà* „утренняя заря“, *aüsza* „разсвѣтаетъ“, лот. *austra*—, ст. глав. *оу(с)тро*, латин. *urere auro-ra*, греч. ἡώς, скр. уш, ушас, ôшати, съ начинат. суф. *urhamu*; а съ этимъ us онъ считаетъ родствен. *vas*—, что въ лит. *pravasaris iszausza* „весна (свѣтлая) разсвѣтаетъ“. т. е. настаетъ, скр. васанта, слав. весна, греч. ἔας, лат. *ver*. Суффиксъ въ усень тотъ же, что въ греб-ень и т. п. На стр. 166—167 помѣщена замѣтка о корочунѣ.

Я бы желалъ еще обратить вниманіе на педагогическіе взгляды А. А.—ча. Разъ, помню, въ 1887 г. на лекціи онъ сдѣлалъ отступленіе о преподаваніи русскаго яз. въ среднихъ школахъ, имѣя въ виду, что большинство его слушателей будутъ со временемъ преподавателями. По его мнѣнію, языку, а тѣмъ болѣе родному, слѣдуетъ учиться прямо изъ чтенія, не тратя много времени на зазубриваніе грамматическихъ правилъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ, неспособномъ понимать отвлеченности грамматики, по его мнѣнію, особенно слѣдуетъ избѣгать подробностей грамматическаго изложенія; кромѣ того, дѣти должны учиться преимущественно въ классѣ, а не отдавать только отчетъ въ своихъ урокахъ, заученныхъ дома. Я помню, что, высказывая этотъ взглядъ, онъ ссылался на Я. Гримма. Въ своей автобіографіи, а также и на словахъ онъ говорилъ про себя, что только потому могъ заняться всю жизнь грамматикой, что никогда не зубрилъ грамматическихъ правилъ. Сбивчивость и неясность ходячихъ грамматическихъ опредѣленій въ нашихъ учебникахъ онъ показалъ во „Введеніи“. Очень удобнымъ въ педагогическомъ отношеніи способомъ онъ считалъ наглядность и потому находилъ удобными опредѣленія индійскихъ грамматиковъ (*bahuvrihi* собственно знач. „много рису“, по служить для означенія извѣстной категоріи сложныхъ словъ, образованныхъ по тому же принципу).

А. А. былъ образцовый профессоръ. Лекціи его отличались живостью изложенія; часто онъ увлекался и оставался въ аудиторіи сверхъ назначеннаго времени. Но особенно интересны бывали его частныя бесѣды у себя на дому, въ кругу своихъ учениковъ. Онъ обладалъ большимъ запасомъ поэзіи и эту-то поэтическую искру онъ вносилъ и въ свои бесѣды, и въ свои лекціи, и даже въ научныя статьи, не въ ущербъ, однако ихъ серьезности. Эстетическое чутье у него было сильно развито, и онъ всегда умѣлъ по достоинству оцѣнить всякое произведеніе изящной литературы, за которой успѣвалъ слѣдить. Я не засталъ, но мнѣ передавали, что онъ неоднократно читалъ публичныя лекціи о произведеніяхъ новой литературы. Извѣстна статья его о Достоевскомъ; въ бумагахъ сохранились замѣтки о Л. Толстомъ. А. А. былъ превосходный чтець поэтическихъ произведеній. Обладая прекраснымъ практическимъ знаніемъ малорусскаго нарѣчія, онъ образцово читалъ лучшія творенія малорусской литературы; но восхищаясь наивной простотой языка старыхъ писателей 20-хъ и 30-хъ годовъ, Артемовскаго-Гулака и Квитки, онъ не особенно любилъ новыя малорусскія произведенія, написанныя б. ч. искусственнымъ и плохимъ языкомъ; изъ новыхъ онъ хвалилъ только Манжуру, мало извѣстнаго, но даровитаго поэта. Самъ А. А. тоже пробовалъ писать помалорусски: въ бумагахъ сохранился стихотворный переводъ Одиссеи на это нарѣчіе.

Какъ поэтъ и философъ, А. А. былъ большой любитель природы. Каждую весну онъ самъ занимался цвѣтами. Онъ интересовался ботаникой и читалъ Плинія; м. б., эту его склонность унаслѣдовалъ младшій сынъ, избравшій эту специальность въ университетѣ. Не лишнимъ считаю напомнить, что эта область естествознанія привлекла знаменитаго лингвиста Шлейхера и патріарха славяновѣдѣнія Добровскаго.

Въ заключеніе скажу, что, лично зная покойнаго, я сохранилъ о немъ самое симпатичное воспоминаніе, какъ о человѣкѣ. Онъ отличался замѣчательной снисходительностью и доступностью къ молодымъ начинающимъ ревнителямъ науки. Никогда онъ не отказывалъ въ совѣтѣ, указаніи; умѣлъ ободрить слабыхъ духомъ и сомнѣвающихся въ своихъ силахъ; не отказывался просматривать даже не особенно тщательно обработанныя сочиненія. Первое время по пріѣздѣ въ Харьковъ меня заинтересовали лирики и кобзари; я записалъ нѣсколько уже извѣстныхъ духовныхъ стиховъ и скудные остатки малорусскихъ думъ; съ ними я приходилъ къ Ал. Аѳ—чу; и онъ всегда съ удовольствіемъ просматривалъ мои неумѣлыя записи. У А. А.—ча не было ни тѣни

ученаго високомѣрія; онъ терпѣливо выслушивалъ сомнѣнія и возраженія и охотно бесѣдовалъ съ людьми непосвященными въ науку; эти качества находятся въ тѣсной связи съ выше изложенными философскими воззрѣніями его. Въ связи съ этимъ онъ никогда не относился предубѣжденно къ сочиненію только потому, что оно вышло изъ-подъ пера извѣстнаго автора, получившаго репутацію „ненаучности“, и съ терпѣніемъ принимался за чтеніе всякаго сочиненія, предметъ котораго могъ его интересовать; самое слово „научность“ было ему противно.

Вотъ все, что я могъ сообщить объ этомъ выдающемся ученомъ и философѣ и замѣчательномъ человѣкѣ.
